

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ С ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА

—
ВЯЧЕСЛАВ ОГРЫЗНО
Родился в 1960 году. Окончил
истфан Московского
государственного педаго-
гического института имени
В. И. Ленина. Занимается
историей советской культуры
и литературы. Автор свыше
тридцати книг. С 2004 года —
главный редактор еженедель-
ника «Литературная Россия».

В общественном сознании почему-то укрепилось мнение, будто фигура В. Н. Арсеньева, крупнейшего русского писателя и этнографа, — одна из самых изученных в нашей литературе. О нем написано почти два десятка книг. Я назову только самые известные. Это работы М. Н. Азадовского, Ф. Ф. Аристов, Н. Е. Набанова, И. С. Кузьмичева, Н. М. Роголя, А. И. Тарасовой, А. А. Хисамутдинова и М. М. Хасановой. Но несмотря на обилие публикаций, биография Арсеньева, как это ни парадоксально, до сих пор изобилует белыми пятнами и содержит много недоговоренностей.

Вот лишь один вопрос: что же привело младшего офицера русской армии в 1900 году на Дальний Восток — только ли его юношеская страсть к путешествиям? Анализ документов убеждает, что в Приморье русский офицер Арсеньев был переведен прежде всего для продолжения политики царского правительства по русской колонизации Дальнего Востока. И первые экспедиции Арсеньева по Уссурийской тайге носили не столько этнографический, сколько военно-политический характер. У нас, кстати, почему-то до сих пор стыдятся писать о том, что многие выдающиеся исследователи и путешественники Дальнего Востока и Средней Азии имели определенное отношение к русской разведке. Лишь в 2002 году автор энциклопедического словаря российских спецслужб «Разведка и контрразведка в лицах» А. Диденко прямо назвал Арсеньева военным разведчиком, при этом умудрившись в биографической справке о своем герое не привести никаких конкретных данных о разведдеятельности ученого.

Так кто же такой Арсеньев?

Известно, что его род происходил из немцев. Уже в 1912 году Арсеньев, откликаясь на просьбу одного из своих однофамильцев, жившего в Туле, сообщал: «Мой прадед был вывезен в Россию Петром Великим. Он был немец, но жил раньше в Голландии; фамилия его была Гот-Майер. Каново его социальное положение было на родине, я снзать

не могу. Он был человек очень образованный и, нахется, занимался химией. Мой дед был помещик Тверской губернии и имел уже русскую фамилию — Арсеньев. Как это случилось, сказать не могу. Что-то очень смутно помню, мне рассказывала мать, что наше духовенство будто бы не хотело венчать лютеранина на русской, требовало от него, чтобы он перешел в православие. Он не захотел. Моя бабушка, с которой он жил без брака до самой смерти, имела сына, которому, возможно, и дали фамилию Арсеньев (по крестному отцу). Впрочем, возможно, что это было не так. Дед мой разорился, и имение его было продано. Вот и все, что я знаю. Признаюсь, я никогда не интересовался этим вопросом так глубоко».

Сам же Арсеньев родился 29 августа (по новому стилю 10 сентября) 1872 года в Санкт-Петербурге. Его отец — Клавдий Федорович — работал конторщиком Николаевской железной дороги и впоследствии досрочно до должности начальника Окружной железной дороги. Мать — Руфина Георгиевна — была дочерью бывшего крепостного крестьянина Нашлачева, одно время она держала в Петербурге маленькую швейную мастерскую. Судя по косвенным данным, будущий путешественник совсем недолго учился в 2-м Петербургском реальном училище, откуда его «исключили за шалости». Потом он посещал занятия в Петербурге во Владимирском городском четырехклассном мужском училище и в Петербургской 5-й гимназии. Сдав экстерном экзамены при 1-м кадетском корпусе, Арсеньев 23 ноября 1891 года стал вольноопределяющимся 145-го Новочеркасского полка.

В 1896 году Арсеньев после окончания Петербургского пехотного юнкерского училища был направлен служить в саперный батальон под Варшаву. А уже через год он сыграл свадьбу. Его избранницей стала дочь петербургского коллежского секретаря Анна Надашевич. Они дружили с детства. Когда Анне исполнилось пятнадцать лет, Арсеньев предложил ей обручиться. И потом они два года ждали свадьбы. Спустя полвека Анна Константиновна рассказала дальневосточному краеведу Г. Пермянову, как проходили торжества. Она вспоминала: «22 октября ст. ст. 1897 года мы поженились. У меня было 4 шафера, у Володи тоже. Нареты, фата, подвенечный наряд, флердоранж, много гостей, почти все военные. Свадьбу провели на квартире отца Арсеньева на Второй Советской. Ужин, кортеж длинный, родня, музыка. На другой день после свадьбы мы уехали с Володей в Ломжу (в Польшу. — *В. О.*). Все радовались, мне тогда было 17 лет. Приехали в полк, нас хорошо приняли, квартира была уже обставлена, офицеры встретили меня с букетами. Я была самой молодой дамой» (цитирую по альманаху «Рубеж», выпуск 6, 2006 год).

В Ломже Арсеньевы пробыли до лета 1900 года. Первой уехала Анна Константиновна: она собиралась рожать, и муж решил, что жене лучше в это время находиться рядом с матерью в Петербурге. Анна Константиновна покинула гарнизон в мае, а уже 11 июня на свет появился их первенец Владимир. Рождение сына совпало для Арсеньева с новым назначением в 8-й Восточно-Сибирский линейный батальон. Как потом вспоминала Анна Константиновна, муж смог приехать к ней в Петербург лишь 17 июня. Он посмотрел на сына и уже на следующий день сел в поезд, который увез его на Дальний Восток.

Через пару недель эшелон достиг Читы. Потом была станция Сретенск. Дальше железную дорогу проложить еще не успели. Но зато хорошо был освоен водный путь по Шилке, которая на границе с Китаем вместе

с Аргунью вливалась в Амур. В дивизионе рассчитывали, что дорога до Хабаровска займет еще максимум неделю. Но спокойного путешествия не получилось. Вскоре офицеры сообщали, что 2 июля один из опорных русских городов на Амуре — Благовещенск подвергся нападению. В ответ командующий Благовещенским отрядом генерал-лейтенант Грибский решил китайскую сторону примерно наказать. 8 июля весь личный состав дивизиона, шедший в Хабаровск, перешел в его подчинение. Там, на Амуре, 20 июля Арсеньев принял свой первый бой (как говорилось в официальной биографии ученого, он «участвовал в делах при выбитии китайцев с позиций у города Сахалина»).

До бухты Золотой Рог Арсеньев добрался лишь 5 августа. Чем именно ему пришлось заниматься во Владивостоке в первое время, точно неизвестно. Если верить местной прессе, он чуть ли не полностью растворился тогда в театре. В частности, газета «Владивосток» 25 февраля 1901 года сообщала: «В Гнилом углу, в казармах 1-го крепостного полка состоялся 11 февраля бесплатный солдатский спектакль, исполненный нижними чинами учебной команды. Режиссировал заведующий командой поручик Арсеньев. Было поставлено «Пираты. Феерия в 8 действиях с прологом». Пьеса разыграна с ансамблем. Видно, что поручик Арсеньев, любитель сценического искусства, немало приложил забот и старания, чтобы доставить полезное развлечение своим подчиненным, нижним чинам на далекой окраине». Но понятно, что во Владивосток Арсеньева начальство направило отнюдь не для организации солдатского досуга.

Ровно через год к Арсеньеву во Владивосток переехала семья, и 25 июля 1902 года жена родила ему второго сына Олега, который потом простудился и в 1904 году умер.

Да, незадолго до рождения второго сына Арсеньев, судя по воспоминаниям его супруги, тяжело заболел. «В нашем гнилом углу (так называли Арсеньевы свой владивостокский дом. — *В. О.*), — рассказывала Анна Константиновна краеведам уже в 1958 году, — он вдруг стал красным, температура 40, язык заплетается. Ушел, от извозчика отказался, пошел пешком на Эгершельд — полуостров на западе Владивостока. Там в военном госпитале нашли у него сибирскую язву, лечили 40 дней. Эти дни у нас с Волей (так супруги звали своего первенца. — *В. О.*) был карантин, висел желтый флаг. Язва очень заразна. Заболел от звериных шкур из тайги. Его оперировали, остались шрамы около правой лопатки на правом боку. Кто-то сочинил, что якобы Володя был в тайге, там якобы его ранил китайский хунхуз, вот и была у него рана на груди. А грудь у него была чистая, как зеркало».

Но, похоже, Анна Константиновна сама всей правды не знала. Судя по документам, незадолго до тяжелой болезни Арсеньева назначили заведующим охотничьей командой. Но к охоте эта команда никакого отношения не имела. Точнее, она не занималась охотой на зверей. Ее цель была другая — выявление тайных схронов хунхузов. Естественно, команде приходилось рисковать. Однако Арсеньев, скорее всего, не хотел волновать свою беременную жену и многое о своей службе дома умалчивал.

Уже после болезни Арсеньев получил должность начальника Владивостокской крепостной конноохотничьей команды. Но и на этом посту главной его задачей оставался сбор разведматериалов.

Если верить одному из биографов Арсеньева — А.И. Тарасовой, за первые годы службы на Дальнем Востоке Арсеньев «вместе с охотничьей командой бунвально “излазил” по всем направлениям всю юго-

восточную часть Уссурийского края до залива Святой Ольги. Центром его исследований были: Шкотово, реки Сучан, Судзухе, Сяохе, Лефу и районы южного побережья оз. Ханна. Дважды ему удалось перейти хребет Дадянь-Шань (западные предгорья Сихотэ-Алиня) и выйти один раз на р. Улахе к деревне Наменне, другой раз на р. Даубихе к урочищу Анучино и к почтово-телеграфной станции Лазаревой. Эти небольшие и непродолжительные экспедиции имели целью разведки военного характера, сбор статистических сведений о населении, изучение местности в колонизационном отношении. Попутно Арсеньев вел географические наблюдения, делал археологические раскопки, вел дневники, куда вносились наблюдения по географии и этнографии края. В 1902 г. им произведены раскопки в устье р. Шаморы близ Владивостока и на р. Цимухе около горы Ташан-моу, на вершине которой находились остатки старинного укрепления, в 1903 г. — на левом берегу р. Сучана, в десяти верстах от устья. Раскопанный материал он доставил в Петербург в Русский музей. Во время своего отпуска Арсеньев обследовал памятники старины, оставленные древними племенами на речах Майхе, Цимухе и Нонгаузе, составил подробное их описание, попавшее через Н.А. Пальчевского к председателю Приамурского отдела Русского географического общества С.Н. Ванкову и приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гроденкову. Последний распорядился засчитать потраченное отпускное время как командировку и выплатить Арсеньеву суточные деньги» (А. Тарасова. Владимир Павлович Арсеньев. М., 1985).

Когда закончилась русско-японская война, Арсеньева перевели в штаб Приамурского военного округа. Командующий округом П.Ф. Унтербергер был очень обеспокоен. Он не знал, насколько опасен для армии и русских переселенцев Сихотэ-Алинь. Огромная таежная территория до сих пор оставалась неизученной. Унтербергер полагал, что там могут скрываться различные иностранные банды. Арсеньеву предстояло детально изучить район, по площади равный Франции.

В первую очередь Унтербергер ждал от своего подчиненного сведения об укrywшихся в горах Сихотэ-Алиня японцах и китайцах. Командующего округом интересовали данные об иностранных базах, описания районов возможных боевых действий и отношение к иностранцам местных жителей. Кроме того, ему нужны были подробные карты. И штабс-напитан Арсеньев не подвел генерала. В одном из донесений он сообщал: «На рече Сань Хо-Бэ есть китаец по фамилии Суй-Хуин, который отлично говорит по-японски, ездит часто в Японию, живет там в течение нескольких месяцев, при появлении японцев в течение 10 лет постоянно является на их суда проводником и переводчиком, на паях ловит с ними рыбу в самих речах, уходя от устья вверх на 1–2 версты. К тому же он отлично знает побережье и умеет делать съемки рек. Записная книжка со съемками и записями у него отобрана, а сам он арестован. Такого субъекта держать здесь на побережье очень неудобно, и его надо непременно удалить». В другом донесении Арсеньев, анализируя особенность одного из районов Сихотэ-Алиня, писал, что «с военной точки зрения эти увалы и эти распадки, заросшие кустарником и покрытые редким лесом, дают возможность скрытно передвигаться по складкам местности пехоте с ручным пулеметом».

Всего же первая экспедиция Арсеньева продолжалась с 20 мая по 17 ноября 1906 года. В ней участвовал 21 человек. За 190 дней путешественник обследовал практически весь Зауссурийский край от водо-

Мы спросили, кто он. И он с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд. Он, пробыв с нами весь вечер, рассказывал много интересного из своей скитальческой охотничьей и бродяжной жизни. Ночь он провел с нами.

Мы предложили ему поступить к нам на службу за жалованье, одежду и стол. Гольд подумал и решил дать ответ утром. Имя его Дерсу, а фамилия Узала. На мой вопрос, как перевести на русский язык его фамилию и имя или что это значит на языке гольдов, на это он ответил, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

раздела рен, впадающих в Уссури и Иман, и до побережья Японского моря. При этом он девять раз пересек хребет Сихотэ-Алинь. За беспримерный героизм власть его потом наградила орденом святого Станислава 2-й степени.

Важная подробность: в то первое путешествие судьба впервые свела Арсеньева с гольдом Дерсу Узала. Они встретились 3 августа 1906 года. «Вечером, когда мы сидели у костра, — писал Арсеньев в своем дневнике, — пришли мои два охотника и доложили, что из-за перевала с Лифудзина пришел охотник-гольд, который был там, где наши два охотника, и сообщил, что там все благополучно. Этот гольд обещал прийти на наш бивак. Уже поздно вечером, когда было уже часов около 9 вечера, пришел этот гольд. “Здравствуйте”, — сказал кто-то сзади. Я обернулся. У нашего пня стоял пожилой человек небольшого роста, приземистый, с выпунлой грудью, несколько кривоногий. Лицо его, плоское, было покрыто загаром, а складки у глаз, на лбу и щеках красноречиво говорили, что ему лет около 50. Небольшие наштанового цвета редкие усы, редная в несколько волосков борода, выдающиеся скулы у глаз изобличали в нем гольда. Он опустил ружье прикладом на землю и начал закуривать. Одет он был в каную-то жесткую брезентовую куртку, манзовские штаны и улы. В руках у него были сошки — неременная принадлежность охотника-инородца. Глаза его, маленькие, с поволокой у крайних углов, казались зоркими и дышали умом, сметливостью и гордостью. Мы спросили, кто он. И он с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд. Он, пробыв с нами весь вечер, рассказывал много интересного из своей скиталь-

ческой охотничьей и бродяжной жизни. Ночь он провел с нами. Мы предложили ему поступить к нам на службу за жалованье, одежду и стол. Гольд подумал и решил дать ответ утром. Имя его Дерсу, а фамилия Узала. На мой вопрос, как перевести на русский язык его фамилию и имя или что это значит на языке гольдов, на это он ответил, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

4 августа. Утром гольд Дерсу Узала на вторично заданный вопрос, согласен ли он поступить проводником, изъявил свое согласие. С этого момента он стал членом экспедиции».

Впоследствии гольдский охотник Дерсу Узала не раз, рискуя собственной жизнью, выручал путешественника из самых сложнейших ситуаций (увы, в марте 1908 года Дерсу был убит).

Потом была экспедиция 1907 года. Но, наверное, самым сложным оказалось путешествие, предпринятое в 1908–1910 годах в северную часть Уссурийского края. Пересекая Сихотэ-Алинь, исследователи потерпели крушение: их лодка разбилась о камни. Горная река унесла все запасы продуктов и оружие. Будучи без пищи, Арсеньев отдал приказ убить его любимую собаку. Спас путешественников отряд стрелков, которым командовал Т. А. Николаев. Позже в отчете Приамурского отдела Русского географического общества было подробно рассказано, канюю картину застали спасатели: «На людей было страшно смотреть. Это были настоящие скелеты, только обтянутые кожей. Некоторые были еще в силах подняться, остальные же лежали на земле без движения. Когда стали подходить лодки, силы оставили и Арсеньева. В эту минуту он почувствовал, что не может стоять на ногах, и лег на землю. Опоздай Николаев еще суток на двое-трое, и, вероятно, у Арсеньева трех четвертей людей недосчитались бы живыми».

Вернувшись после всех странствий домой, Арсеньев решил подвести итоги трем экспедициям. 20 июля 1910 года он сообщал А. М. Иванову: «Первое мое путешествие длилось 180 дней, второе — 210 суток и последнее, третье, — 19 месяцев. По моим расчетам, во время последней экспедиции на дневки ушло 4 месяца и 6 дней, а на чистые маршруты — 14 месяцев и 24 дня. 4 раза я погибал с голода. Один раз съели кожу, другой раз набивали желудок морской капустой, ели ракушки. Последняя голодовка была самой ужасной. Она длилась 21 день. Вы помните мою любимую собаку Альму — я ее съел в припадке голода, и этим мы спаслись от смерти. Три раза я тонул, дважды подвергался нападению диких зверей (тигр и медведь)».

Про все эти приключения Арсеньев позже написал не одну увлекательную повесть. Но в них русский офицер ни слова не упомянул о главных задачах своих экспедиций, связанных с разведкой. В какой-то мере основные цели своих ранних путешествий Арсеньев обозначил лишь в сугубо научной книге «Нраткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края», изданной в 1912 году, и еще кое-какие намеки можно обнаружить в монографии ученого «Нитайцы в Уссурийском крае» (1914).

Естественно, уже в первых экспедициях по Дальнему Востоку Арсеньев не раз сталкивался с представителями малочисленных народов. Он собрал уникальные материалы об удэгейцах и орочах, которые вызвали широкий резонанс в 1910–1911 годах в Петербурге на Общероссийской этнографической выставке. К его этнографическим наблюдениям проявили интерес С. Ф. Ольденбург, Д. Н. Зеленин, Д. А. Нлеменц, В. В. Радлов и другие ученые. Но, наверное, самое большое влияние

на формирование научных взглядов Арсеньева оказали его знакомство и длительная переписка с бывшим народовольцем Л. Я. Штернбергом — автором классических трудов по этнографии нивхов (хотя позже пути ученых резко разошлись).

Здесь надо заметить, что Арсеньев еще до поездки на Общероссийскую этнографическую выставку в силу разногласий с военным начальством пытался поставить на своей военной карьере крест и выбрать поприще ученого-этнографа. В 1910 году он даже возглавил в Хабаровске краеведческий музей, при котором через три года организовал кружок любителей этнографии, связанных с разведной. Но новый приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти считал, что Арсеньев больше пользы принесет на других постах. Не случайно он одним из первых приказов назначил Арсеньева чиновником особых поручений при Переселенческом управлении для исполнения поручений по рабочему вопросу. Но знающие люди утверждали, что новая должность была всего лишь ширмой. В реальности генерал-губернатор перевел штабс-капитана в контрразведку. Арсеньеву была поручена борьба с хунхузами и очищение Уссурийского края от китайцев и корейцев, проникших в Россию без оформления соответствующих документов и занимавшихся браконьерством. Как установила А. И. Тарасова, «по личному приказанию Гондатти Арсеньев написал два доклада (от 6 и 10 июня 1911 г.) (ЦГА РСФСР ДВ, ф. 702, оп. 1, № 716, л. 6, 151–153, 155–157), в которых изложил план конкретных мероприятий по борьбе с хунхузами и браконьерами на ближайшие три-четыре года. За время своих десятилетних исследований он хорошо изучил положение, занятия, быт и нравы различных категорий пришлого населения края. К докладом были приложены: 1) схематические карты Уссурийского края с показом стоянок китайцев и корейцев и 2) проекты смет расходов на эти мероприятия, в том числе на экспедицию в среднюю часть прибрежного района Уссурийского края, где, по наблюдениям Арсеньева, в последние годы особенно активно проявлялось браконьерство».

Изучив доклады подчиненного, Гондатти 17 июня подписал приказ об организации Амурской экспедиции Арсеньева. В открытой части этого приказа генерал-губернатор сообщал, что «старший производитель работ Переселенческого управления штабс-капитан Арсеньев в сопровождении студента Московского сельхозинститута Бутлерова» должен произвести обследование побережья Японского моря в районе реки Нахтону до залива Св. Ольги. В закрытой же части приказа список участников экспедиции дополнительно содержал тринадцать фамилий нижних полицейских чинов и лесной стражи. И самое главное — в закрытой части подробно говорилось об истинном назначении экспедиции. Гондатти приказывал Арсеньеву собрать сведения обо всех нелегалах, живших на прибрежной территории от мыса Золотого до бухты Терней. Штабс-капитан должен был выяснить численность и вооружение бандитов, места производства опиума, сжечь все притоны хунхузов и собрать массу других разведанных.

Позже в своих донесениях Арсеньев сообщил, что ситуация на побережье очень сложная. Только за период с 13 июля по 4 августа 1911 года его экспедиция задержала и этапировала двадцать пять китайцев и тринадцать корейцев и уничтожила три тысячи браконьерских снастей на соболя. Но, как считал путешественник, он бил лишь «по верхнам». «Норешки» сидели не в тайге, а во Владивостоке и Хабаровске. Но против них Арсеньев был бессилён.

Амурская экспедиция Арсеньева продолжалась почти два года. В ходе ее путешественник опирался как на силу русского оружия, так и на помощь местных кочевников. В донесении за 11 октября 1912 года он подчеркивал, что в разгроме хунхузов активное участие, помимо полицейских, приняло пять тазов. Впоследствии генерал-губернатор Гондатти двух из них — Милинко Иаоко и Норяно Тыналло — наградил серебряными медалями на Станиславской ленте «За усердие».

Но вообще-то Арсеньев от всей этой миссии, возложенной на него Гондатти, был далеко не в восторге. Он хотел заниматься чисто исследовательской работой. А генерал-губернатор вменил ему в обязанность прежде всего полицейские акции. «Я мирюсь с новой работой, — сообщал Арсеньев спутнику Пржевальского — Петру Козлову, — только потому, что она позволяет параллельно с ней вести и научные исследования».

К сожалению, отношения между Гондатти и Арсеньевым стали резко обостряться. Они оба считали себя серьезными учеными (Гондатти в свое время отличился этнографическими работами о хантах и манси, а также работами по быту чунчей и эскимосов) и не хотели друг другу ни в чем уступать. «Я думаю, — писал Арсеньев 2 июня 1915 года А. А. Емельянову, — что Гондатти ревнует меня к краю. Он хочет, чтобы одно его имя только и было в истории исследований. Как это глупо?! Погоня за грошовой рекламой. Разве ученый и серьезный человек будет гнаться за этим? Меня лично интересует этот неизведанный край в этнографическом отношении, ибо я знаю, что найду там весьма много нового и интересного. Если бы я хотел карьеру делать, то я остался бы в Петрограде, где было мне предложено хорошее место. Я возвратился в край не ради карьеры, а ради того, что я люблю его, и уже твердо решил покончить здесь счеты с жизнью. Теперь я достал средства, есть силы, здоровье, кое-какие знания и уверенность в работе. От Гондатти требуется только капля чернил, — и он ломается! Поживем — увидим. Пока этот вопрос открытый».

За Арсеньева пробовал вступить директор Музея антропологии и этнографии академик Радлов. На словах Гондатти пообещал, что отпустит Арсеньева в полевой сезон сразу после того, как изыщет необходимые финансы. А в реальности он поспешил убрать ученого с глаз долой в Харбин. Попробовал потом вмешаться в эту историю другой антрополог — С. Широногоров. Но и у него ничего не вышло. «Вы советовали мне обратиться с просьбой к Гондатти, — писал летом 1916 года Арсеньев Широногорову. — Я этого не делал, потому что считаю ход этот бесполезным, потому что нынешний генерал-губернатор далеко стоит от науки, не интересуется ею и после своей Амурской экспедиции враждебно относится ко всякого рода исследованиям в Приамурском крае. Настоящим своим письмом я подтверждаю, что готов принять участие в работах Ваших с величайшим удовольствием. Имейте, пожалуйста, меня в виду. В новую этнографическую экспедицию я пойду только тогда, когда Гондатти уедет из края. Здесь, в Харбине, я томлюсь. От нечего делать я занялся изучением маньчжурского языка и буддизма. У консула Лаврова и у окружного врача Мозолевского есть хорошие коллекции из Тибета и Монголии. Эти три месяца харбинского сидения не пропали для меня даром».

Вскоре дороги двух больших ученых окончательно разошлись. «У меня произошел полный разрыв с Гондатти, — сообщал Арсеньев 28 января 1917 года Д. С. Анучину. — Темные силы, о которых говорили с кафедры в Государственной думе, окружают и нашего генерал-губернатора. У него своя мерка к людям, под которую я не подхожу. От науки Гондатти теперь

стоит далеко, об этнографии он никогда и не вспоминает, с ноября 1914 года он и не заглядывал в музей. После своей Амурской экспедиции он стал враждебно относиться ко всякого рода исследованиям в крае и ко всем тем, кто занимается изучением страны в каком бы то ни было отношении. Ну, Бог с ним!»

Ну а в марте 1917 года Арсеньева призвали на фронт. Правда, он успел доехать лишь до Ачинска.

Арсеньев очень неоднозначно воспринял февральские и октябрьские события 1917 года. Сначала он поверил в новую власть. Состоявшийся в апреле 1917 года в Хабаровске первый съезд депутатов городских и уездных Советов, признав положение малых народов Уссурийского края критическим, предложил ему занять должность комиссара по инородческим делам. Спустя два месяца Арсеньев представил свою программу, рассчитанную на два года. Но чиновники отнеслись к его идеям безразлично. Видя это, Арсеньев добровольно ушел в отставку. Он писал тогда: «Вертеть колесо, от которого нет привода, и быть равнодушным свидетелем безобразий и насилий, которые чинились над инородцами, — числиться их шефом — я не могу». Сторонясь политики, ученый предпринял в конце 1917 года экспедицию по рекам Урми и Олгон, а в 1918 году — путешествие на Намчатку.

Пока Арсеньев исследовал северо-восток Приамурского края и Намчатку, в Приморье над ним в очередной раз сгустились тучи. Его первая жена Анна Константиновна Арсеньева (Надашевич) (1879–1963) позже рассказывала Г. Пермякову: «В 1918 году мы жили на Норфовой даче и зимой, укрываясь от белых... Муж в это время был в экспедиции. Сюда не раз приходили калмыковцы. Они знали Арсеньева и хотели забрать его в армию. По моему совету Воля (сын путешественника. — *В. О.*) собрал все золотые и серебряные медали Володи, его военные награды и ордена, все наши ценные вещи и несколько дневников Владимира Нлавдиевича и, сложив все это в цинковую банку, перевязал ее изоляционной лентой. Затем самодельный сундук с сонровищами был закопан около дачи. Когда же потом Володя стал копать в указанном месте, то ничего не нашел. Или кто-то выкопал банку, или, скорее всего, Воля забыл место. Так около нашей дачи и лежит до сих пор этот клад, в котором самое ценное — дневники Арсеньева. Мы так и прозвали его “норфовский клад Арсеньева”» (Г. Пермяков. Тропой женьшеня. Хабаровск, 1965).

Возвратившись с Намчатки, Арсеньев узнал о страшной трагедии, которая произошла с его родными на Украине. Грабители убили его родителей, брата Нлавдия с женой и двух сестер: Ольгу и Лидию.

В это время Арсеньева особенно поддержала семья председателя Общества изучения Амурского края Николая Соловьева. Здесь стоит заметить, что Арсеньев уже давно засматривался на старшую дочь Соловьева — Маргариту. В какой-то момент у них возник роман.

Позже первая супруга ученого вспоминала: «Разрыв наш с мужем начался в Хабаровске. Я заметила, что с середины 1918 года Володя частит во Владивосток. Потом переехал туда. “В чем дело?” — спросила я. “Служба. Там большой заработок”. И вот в апреле 1919 приезжает оттуда и как мечом по шее: “Я женюсь на Маргарите Николаевне Соловьевой”.

Даже время потом никак Анну Константиновну не примирило с новой избранницей Арсеньева. Когда она в 1958 году в беседе с дальневосточным краеведом Г. Пермяковым коснулась личности Соловьевой, то у нее не нашлось для этой женщины ни одного доброго слова. «Она

бесстыжа, — утверждала Анна Константиновна, — разбила семью». По ее разговорам, «лицо у Маргариты было длинным, нос орлиный, подбородок острый, почти синие глаза, как миндалины, египетской разрез, не мазалась. Володя не любил “писанон”. Высокая, почти как Володя ростом. Гладная грудь, у нее были слабые легкие, ее даже лечили. Ходила извиваясь, властный голос, точная речь. У нее была драма с Нарчевским, ее давним другом. Он не женился на ней, хотя был отцом ее ребенка. Она стрелялась из ружья Монтекристо, пуля отскочила от лба, остался шрам на виске. Его она закрывала лононом. И тут она поймала Володю, простака. У нее был выкидыш. Знал весь Владивосток, кроме Володи. Губы тонкие, волосы очень темные, красива. Хорошо и богато одевалась, со вкусом. Носу заплетала на затылке узлом» (цитирую по шестому выпуску альманаха «Рубеж», Владивосток, 2006).

В августе 1920 года новая жена подарила Арсеньеву дочь Наташу.

На что надеялся тогда Арсеньев, непонятно. Его жизнь в Гражданскую войну часто висела на волоске. Он вроде бы был нужен всем: белым, красным, американцам, японцам. Колчановцы даже доверили ему отдел морского зверя в «Дальрыбе». Американцы постоянно звали его на работу в свой экспедиционный корпус. А как уговаривали Арсеньева японцы, когда судьба забросила его в японский порт Ханодато! Чего они только ученому не сулили. Но при этом никто (подчеркиваю, никто!) Арсеньеву до конца не верил: ни большевики, ни белоэмигранты, ни чужаки.

В каких-то вещах Арсеньев был просто непредсказуем. То он хотел во что бы то ни стало эмигрировать. Но стоило ему получить заграничный паспорт, желание покинуть Россию у него тут же пропало. Потом ученый вроде бы присягнул на верность красным комиссарам. Но когда бывший белый офицер Арсений Несмелов поделился с ним мыслью о побеге в Китай, тут же подробно объяснил опальному поэту, как быстрее и безопаснее достичь цели. Несмелов позже вспоминал: «В канун явки в ГПУ я зашел во Владивостокский музей, чтобы проститься с В.К. Арсеньевым и, кстати, порасспросить его о тех местах, по которым нам надлежало идти. Последнее мне было поручено моими друзьями. “Может быть, и карту у него достанешь, хоть какие-нибудь крони”, — говорил Саша Степанов, тоже хорошо знавший Арсеньева. Ибо все-таки к Антику, как нашему будущему проводнику, мы относились не особенно доверчиво.

Владивостокский музей, полный чучел, карт, каких-то географических манетов и Бог знает чего еще. Я нахожу Владимира Клавдиевича у огромного чучела великолепного уссурийского тигра и с места в карьер приступаю к изложению своего дела.

— Я и несколько моих друзей, Владимир Клавдиевич, — говорю я, — решили бежать из Владивостока. Вы меня простите, что я вас посвящаю в это не совсем безопасное дело, но мы выбрали необычный путь — через Амурский залив на “юли-юли”, а далее, до границы, на своих на двоих.

— И по китайской стороне до Санчагоу?

— Да.

— А почему не до Никольска сначала, а потом на Полтавку?

— Мы все на учете ГПУ, и дальше Угольной нам нет ходу. Если же поймут за Угольной, задержат, скажем, в вагоне, то все равно будут судить, как за побег.

— Да! — Владимир Клавдиевич берет меня за руку и подводит к большой висящей на стене карте Приморья. Масштаб карты велик, и вот передо мной — весь тот район, по которому нам предстоит следовать. Все

дороги и даже тропы, и всего только две деревни на нашем пути, легко обходимые стороною.

— Чудесная для следования местность! — тихо говорю я. — В комнате мы одни?

— Не совсем! — и Арсеньев уназывает мне на горный хребет, являющийся водоразделом для группы речен: одни с него текут в Китай, другие к нам, в Россию. — Вот это горное плато, видите? Я бывал там. Оно или заболочено, или покрыто мелким кустарником, через который трудно продираться. Кроме того, там, по оврагам, в эту пору еще лежит снег. Трудное место!

— Ну, как-нибудь, Владимир Клавдиевич!

— Конечно! Что? Есть ли там тигры? Нет, в этих местах я их не встречал, вот разве пониже, вот тут, ближе к Занадворовне. Но барс, пятнистая пантера тут встретиться может. И знаете, — взгляд мне в глаза, — она чаще нападает на человека, чем тигр. Вас много ли идет?

— Пять человек.

— Ну, это лучше. Вы вот что... вы всмотритесь в эту карту, а я вам сейчас принесу соответствующий кусок двадцатипятиверстни. Видите перед Занадворовной этот вот ручей. Достигнув ручья, вы лучше всего следуйте по нему к его истокам — этот путь как раз подведет вас к перевалу через хребет. На обрывке карты, которую я вам дам, ручей обозначен. Если вы воспользуетесь моим советом, вы не собьетесь с дороги, что иначе очень легко. Компас-то у вас есть?

— А ведь верно, нет у нас компаса! — ахнул я.

— Ничего, и компас вам дам. Пользоваться им умеете?

— Идут с нами два морячка, Владимир Клавдиевич. Они, наверно, умеют им орудовать.

— Должны бы!

Через десять минут я покидал музей с компасом и драгоценным обрывком карты в кармане».

Возможно, все эти сомнения, порожденные Гражданской войной и развалом страны, и подтолкнули Арсеньева к литературе. В 1921 году он опубликовал книгу «По Уссурийскому краю», через два года издал ее продолжение — повесть «Дерсу Узала», а в 1926 году, объединив обе части, издал сборник «В делях Уссурийского края».

Одним из первых эти вещи отрецензировал Николай Леонов, занимавшийся в середине 20-х годов проблемами просвещения народов Севера. Он отметил: «С редким мастерством автор располагает свой материал. Каждая глава насыщена интересным содержанием. Неослабное внимание читателя сопутствует автору в его странствиях по таежным тущобам. Неуловимым каким-то приемом В.Н. Арсеньеву удается сочетать хронологическую и географическую последовательность с неослабевающей содержательностью спокойного рассказа. Только подлинное любовное отношение к природе края и к людям, его населяющим, может дать такую прекрасную книгу. Присущее автору чувство меры позволяет ему внести в свою книгу описание ряда мелких подробностей и деталей длительной бивуачной жизни. И эти мелкие подробности подчас делают книгу особенно занимательной и близкой. Благодаря этим деталям читатель сам становится как бы участником путешествия и сопереживает с автором его тревожения. От наличия этих бытовых подробностей понятнее становятся тайга и все те переживания, которые выпали на долю автора и его спутников. Оттого и описания троп, горных лесных тущоб, стремительных

речен, а также и описание того пернатого и животного мира, который окружает в тайге путешественника, читаются с особым интересом. У книги Арсеньева есть еще одна редкая и ценнейшая особенность. Все виденное им рассказывается читателю не только с точки зрения европейского путешественника, автора книги, но вы постоянно встречаетесь с размышлениями и высказываниями его друга-туземца, гольда Дерсу Узала. Вся книга в целом насыщена подлинным интересом к душевным переживаниям и мирозозерцанию этого охотника-туземца» («Северная Азия», 1926, кн. 5–6).

Позже книгу «В дебрях Уссурийского края» высоко оценил Максим Горький. «Книгу Вашу я читал с великим наслаждением, — отметил он 24 января 1928 года в письме Арсеньеву из Сорренто. — Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Хупера, — это, поверьте, неплохая похвала. Гольд описан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем “Следопыт”, более художественная».

За границей же первым талант Арсеньева успел оценить еще Фритьоф Нансен. Готовя в июне 1924 года краткое предисловие к немецкому изданию сочинений писателя, он писал: «Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил на Дальнем Востоке в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири профессора В.Н. Арсеньева. Это случилось 5 октября 1913 года. Он рассказал мне тогда о своих чрезвычайно интересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края, о ее малоизвестном туземном населении, а также о животном и растительном мире этой страны. Получилось много в высшей степени интересных сообщений о неосвоенных еще местностях, и мне казалось очень прискорбным, что описания его путешествий и наблюдений не были опубликованы ни на одном из западноевропейских языков. Но теперь передо мною лежит книга В.Н. Арсеньева о его путешествиях, изданная на немецком языке. Автор просил меня написать к ней краткое предисловие, что я исполняю с особой радостью. Его описания открывают мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений. Образно написанные заметки профессора В.Н. Арсеньева дают возможность ознакомиться как с природными условиями, так и с жизнью обитателей этого отдаленного лесного края. Достоин удивления, что мы, жители Старого Света, обычно больше знаем о жизни туземцев Северной Америки, чем о туземцах Сибири, и особенно Восточной Сибири, хотя последние на самом деле имеют для нас гораздо больший интерес. Я надеюсь, что интересный и ценный труд В.Н. Арсеньева найдет многих читателей».

После этого книги Арсеньева обошли практически весь мир. Только повесть «Дерсу Узала» выдержала с 1934 по 1984 год семьдесят переизданий, в том числе двадцать семь на русском языке, пять — на немецком, четыре — на венгерском и по три переиздания на украинском, чешском, английском, польском и словацком языках.

Однако новые власти Дальнего Востока продолжали Арсеньеву не доверять. Как бывший офицер русской армии он вплоть до марта 1924 года вынужден был ежемесячно ходить и отмечаться в ГПУ. Но и потом чекисты не оставили его без своего контроля.

Чувствуя недоброжелательность, ученый пытался искать поддержки в Москве и Петербурге. Он писал письма многим известным академикам, просил, чтобы они поддержали в периодике его работы. Ему обещали

место в Музее антропологии и этнографии. Но после смерти в 1925 году Л. Я. Штернберга с мечтой о переезде в Ленинград Арсеньеву пришлось расстаться. Хорошо хоть, что его снова взяли директором в Хабаровский музей. Однако в Хабаровске у него резко обострились отношения с влиятельным в политических кругах ученым А. Н. Липским.

Арсеньев считал Липского ченистом, для которого занятия этнографией — всего лишь ширма, прикрытие других интересов. Он полагал, что истинные цели Липского сводились к тому, чтобы скомпрометировать его и изобличить как врага советской власти. Липский в свою очередь под конец жизни всех убеждал, мол, Арсеньев — плохой этнограф, но хороший писатель. Уже в 1965 году он в одном из писем дальневосточному краеведу Г. Пермякову писал: «В ноябре 1917 года, когда мы шли по Урми, меня поражала та нетерпимость и озлобленность, с которой рассуждал Арсеньев о “большевистской опасности”... Я тогда объяснял эту нетерпимость и озлобленность Арсеньева его недавним офицерским прошлым... Я присутствовал при разговоре Арсеньева со сторожем музея Урываевым. Арсеньев “отчитывал” Урываева за то, что его старший сын ушел “за Амур” и сражавшимся с белогвардейщиной. Твердил, что большевики ведут Россию к гибели... Урываев четко произнес: “Ваше благородие, погон у вас с лапоть (Арсеньев был в это время при полковничьих погонах), а дальше носа вы ничего не видите!” Привлекала ли Арсеньева белогвардейщина в армию в период Гражданской войны, я не знаю, хотя, занимаясь когда-то этой фигурой специально, должен был бы знать. Но вот что Арсеньев был близок к работникам НРО Приамурского военного округа и, в частности, поддерживал тесные отношения с полковником Цепушеловым — это я знал хорошо. А функции НРО в те времена были направлены далеко и не только на борьбу с разведкой извне.

Осенью 1927 года мы выезжали из Хабаровска во Владивосток на операцию по ликвидации третьего бело-японского восстания. На вокзале при посадке в поезд Арсеньев увидел меня в группе офицеров ОГПУ и в форме с тремя “шпалами” в петлице. Он сказал своему собеседнику: “Вот подлинное лицо этнографа Липского. На этом поприще он скоро будет носить ромбы. Лучшего применения этнографии он не нашел”... Арсеньев не оказался в рядах открытых врагов, но мы им, по существу, и не занимались, хотя показания проф. Огородникова требовали проверки... Я имею в виду присвоение Арсеньеву американцами пожизненного почетного звания. Это что же, за те, в общем-то, немногие коллекции, что он отправил через американского консула во Владивостоке г-на Роджерса, или за те полторы тысячи страниц его печатной продукции? И вы можете поверить тому, что американские ученые учреждения так дешево раскидываются своими почетными званиями? <...> Беда в том, что с этой стороны Арсеньевым не занимались, все были в плену его личности и его дерзости. Что же касается области этнографической, а в ней Арсеньев считал себя специалистом, то здесь у него такое множество чуши, что трудно и перечислить... Для меня Арсеньев, в лучшем случае, плохой дилетант в науке, расист в оценке расовых “качеств” народностей Дальнего Востока».

Во многом из-за Липского, осуществлявшего ченистский надзор за ученым, Арсеньев в 1927 году вернулся во Владивосток, где, против его ожидания, травля лишь усилилась. И. Шабанов, А. Зонин, Г. Ефимов, С. Глаголь и другие критики обвинили ученого в «реакционном мировоззрении и великодержавном шовинизме».

В это время Арсеньев решил сосредоточиться главным образом на обработке своих экспедиционных материалов об удэгейцах. Нам позднее вспоминал первый начальник «Дальрыбы» и писатель Трофим Борисов, Арсеньев взялся за составление удэгейского словаря. «Этот словарь, — писал Борисов, — состоит из четырех отделов: 1) обыкновенный разговорный, составленный по алфавиту; 2) комплексный, в который входят все детали, относящиеся к тому или иному основному вопросу, например, все, что касается берега моря, леса, реки, неба; 3) технической части — лодок, инструментов; 4) шаманский — язык поэзии и сказок».

Но самым главным делом Арсеньев считал издание монографии «Страна Удэхе». Еще в 1926 году он выпустил во Владивостоке брошюру «Лесные люди — удэгейцы». В предисловии к ней ученый писал: «Настоящая брошюра есть краткое и популярное изложение большого труда “Страна Удэхе”, над которым автор работает более 25 лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем». В предисловии также оговаривалось, что монография планируется в двух томах, причем во втором томе будут даны фольклор, грамматика и словарь. Спустя два года Арсеньев в письме к профессору Н.В. Нюннеру подчеркнул, что монография «Страна Удэхе» — это цель его жизни. «Все мои предшествовавшие работы и статьи, — писал ученый, — являются не более как подготовительными материалами для основной моей работы “Страна Удэхе”. Если бы мне не удалось ее издать, я считал бы это большой личной катастрофой».

К сожалению, рукопись монографии в 1930-е годы пропала. Но некоторые специалисты считают, что она все-таки сохранилась и якобы на ее основе на Западе в 1956 году была издана книга «Лесные люди удэхе» некоего Фридриха Альберта. Позже выяснилось, что за подписью Альберта скрывался немецкий этнограф Федор Альбертович Дербен. Когда-то этот Дербен жил в России, окончил физмат Санкт-Петербургского университета и Императорскую военно-медицинскую академию и потом служил морским врачом на Дальнем Востоке. Во Владивостоке он одно время руководил музеем Общества изучения Амурского края и собирал материалы о быте народов Приамурья. Не исключено, что Арсеньев успел познакомить морского врача с рукописью главной своей книги. Впоследствии Дербен выехал в Германию.

Впрочем, кое-что из арсеньевских материалов по удэгейцам можно восстановить сейчас не только по книге Фридриха Альберта (или Федора Дербена). Ведь много чего сохранилось в архиве Общества изучения Амурского края. Я имею в виду прежде всего дневники и переписку Арсеньева. И здесь стоит отметить работу Н.А. Соболевской, которая в 1990-е годы выписала из дневников ученого все тексты, касающиеся удэгейского фольклора.

Из этих материалов Соболевская составила целую книгу «Мифы, легенды, предания и сказки народов Севера», которая под именем Арсеньева вышла в польском городе Стеншове в 1995 году. У нас в стране эти тексты впервые были тогда же напечатаны в «Краеведческом бюллетене» (его издает Сахалинский краеведческий музей).

В 1998 году пятьдесят текстов в записях Арсеньева вошли в академический том «Фольклор удэгейцев». М. Хасанова в комментарии отметила: «Первые фольклорные сюжеты появляются в дневниках Арсеньева в 1907 г. и относятся к его экспедиции по восточным склонам Сихотэ-Алиня и р. Бикин. В этот период записано несколько сказок орочей (точнее,

удэгейцев, но исследователь по тогдашней традиции именовал их орочами) и китайская легенда о Нуань-Юне, услышанная им от маньчжура. В последующие годы его фольклорный фонд постоянно пополнялся. Судя по рабочим тетрадям, значительная часть текстов была собрана после 1914 г. Дату записи и имя информанта установить почти невозможно, поскольку тетради, как уже говорилось выше, представляют собой тематические шивки дневников разных лет — результат подготовки книги “Страна Удэхе”. Все фольклорные материалы Арсеньева записаны на русском языке. Трудно сказать, как он фиксировал сюжеты. Похоже, что иногда он излагал их по памяти; чаще, видимо, работал с переводчиком; нередко, возможно, сказитель сам пытался передать произведение по-русски. А.И. Тарасова пишет, что имеются сведения об использовании Арсеньевым фонографа при записи сказки от Дерсу Узала. Это вполне вероятно, но расшифровка с валика фонографа, скорее всего, сделана не была. Фольклорные произведения, извлеченные из путевых тетрадей Владимира Клавдиевича, подчас носят следы поспешности, шероховатости, нередко встречаются удэгейские слова и словосочетания. И это понятно: ведь мы имеем дело с рабочим материалом, который собиратель явно не стремился использовать в необработанном виде».

До сих пор я много говорил о трудах Арсеньева. Но еще ни разу не сказал о том, каким он был в жизни. Сохранилось много описаний путешественника. Но я ограничусь лишь свидетельством Николая Набанова, который в 1927 году сопровождал Арсеньева в экспедиции по маршруту Советская Гавань — Хабаровск, а потом стал крупным лесоведом. В 1972 году Набанов вспоминал: «В.Н. Арсеньев был среднего роста, худощавый, но крепкого телосложения. Лицо продолговатое, с резко очерченными чертами, заостренным носом, слегка выдающимся подбородком и с глубоко сидящими голубыми глазами, над которыми возвышался ровный лоб. Светлые волосы были всегда зачесаны вверх, на висках и затылке они чуть поседел. У него была быстрая и легкая походка, резкие движения рук. Носил он всегда шляпу — серую или темно-серую со слегка поднятыми краями. Костюм предпочитал синего цвета. В экспедиционных условиях он любил надевать плотную шляпу с широкими полями, куртку, а вместо сапог — ороцские улы (унты) в сочетании с обыкновенными обмотками.

В.Н. Арсеньев был человеком предельно собранным, строго дисциплинированным. Решительно не терпел неуважительных опозданий, неоправданных задержек. В то же время в походах был нетороплив, крайне осмотрителен. В тайге, пробираясь через бурелом или заросли, никогда не спешил, с особой осторожностью переходил через горные порожистые речки.

Часа за полтора-два до наступления сумерек В.Н. Арсеньев подавал сигнал об остановке, сам участвовал в выборе места для бивана, разбивке палаток, в устройстве шалашей, в заготовке сухих дров. А после ужина, когда все его спутники отдыхали или чинили себе обувь, одежду и отправлялись спать, он усаживался у костра, вытаскивал из полевой сумки дневник и остро зачиленным карандашом записывал все увиденное, услышанное и поправлял на планшетке крохи снятого им за день маршрута».

В последний год жизни Арсеньев получил предложение заняться работами по изысканию трассы новой уссурийской железной дороги. Ученый успел организовать сразу четыре таежные экспедиции... 19 мая

1930 года он выехал на Нижний Амур, не зная, что уже давно находится у спецслужб под подозрением. Агенты НКВД сообщали тогда своему начальству, будто Арсеньев «поехал формировать агентурную сеть».

Путешествие на Нижний Амур оказалось для ученого последним. В экспедиции он, видимо, подхватил крупозное воспаление легких.

Позже вдова Арсеньева, Маргарита Николаевна, в письме к сестре мужа, Вере Богдановой, подробно рассказала о последних месяцах жизни ученого. «19 июля он уехал в командировку в низовья Амура и там, видимо, простудился, вернее, заразился крупозным воспалением легких. 26 августа он вернулся домой в очень хорошем настроении, веселый, ласковый, как всегда после экспедиции. Выглядел он неважно, но на все мои вопросы о самочувствии отвечал, что прекрасно чувствует себя. Только два раза его лихорадило по ночам: раз в пути на пароходе и раз дома с 28 на 29 августа. Утром температура была нормальная.

С 26 по 31 июля (вероятно, Арсеньева допустила опisku, перепутав июль с августом. — *В. О.*) Володя побывал во всем городе, во всех учреждениях и организациях, где работал, всюду читал доклады, заседал, и никому в голову не приходило, что он болен. Сам он тоже того не подозревал.

В ночь на 31-е у него сделался сильнейший озноб. Позванный утром врач определил крупозное воспаление левого легкого в нижней зоне. С 1 на 2 сентября наступил неожиданно для всех кризис, после которого температура все время была нормальная, голова совершенно ясная (он все время принимал по делу своих сотрудников). Доктора считали, что дело идет на поправку.

Ночь с 3 на 4 сентября была прямо кошмарной. Он не уснул и все метался, просил поднять его, посадить в кресло. За два часа до смерти был врач, нашел, что все в порядке.

Около трех часов дня начался сердечный припадок, который длился 30–35 минут. Я не успела вызвать ни одного врача. Голова работала у Володи все время ясно, он сам говорил мне, что делать ему — положить горчичный компресс на сердце. Хотел написать завещание, но не успел. Сперва я не давала ему писать, а в последнюю минуту, когда я дала ему карандаш, — было поздно, — карандаш выпал у него из рук, — он не дописал даже первого слова.

Я до последней минуты не сознавала, что он умирает, эта необычайная ясность мысли сбивала с толку. Умер он от паралича сердца...»

Впрочем, во Владивостоке в этот диагноз поверили далеко не все. Накануне потом рассказывала первая жена ученого, «весь Владивосток считал, что закаленный в походах Арсеньев не мог умереть от простуды... Было три версии его смерти: 1. Японцы хотели сделать Арсеньева своим шпионом, но он отказался, вот его и отравили; 2. Немцы хотели сделать его своим разведчиком, но он отказался и погиб; 3. Его отравили ченисты, так как он был белый полковник» («Рубеж», Владивосток, 2006, №6). Но и Анна Константиновна подтвердила, что в действительности у Арсеньева «был самый настоящий крупоз».

Итак, Арсеньева не стало в 15 часов 15 минут 4 сентября 1930 года. Похоронили писателя во Владивостоке на крепостном военном кладбище, которое было расположено на пустынном тогда полуострове Эгершельд. Но в 1935 году власти то кладбище закрыли. А в 1954 году они решили прах Арсеньева перезахоронить. Новым местом упокоения останков писателя стала мемориальная часть Морского кладбища. По словам очевидцев,

во время перезахоронения из гроба Арсеньева вылетела белоснежная бабочка, которая сразу устремилась в поднебесье. Верующие увидели в этом знак: наконец-то душа путешественника обрела покой.

После смерти ученого его дело продолжила вторая жена — Маргарита Николаевна Арсеньева (Соловьева). Разобрав черновики мужа, она выпустила в 1931 году книгу Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня». На очереди была обработка дневников. Но в это время на Дальнем Востоке как по команде началась кампания по пересмотру отношения к арсеньевскому наследию. Застрельщиком этой позорной акции стал некий Г. Ефимов, который 16 июля 1931 года опубликовал во владивостокской газете «Красное знамя» погромную статью «Арсеньев как выразитель идеи великодержавного шовинизма».

Потом от Арсеньева, по сути, отрестился один из его бывших сподвижников и соавторов Е. Титов (в 1928 году за их подписями вышла любопытная брошюра «Быт и характер народностей Дальневосточного края»). В 1933 году он в первом номере только что созданного журнала «На рубеже» заявил: «Дело в том, что как ученый Арсеньев был своеобразным продуктом буржуазной колонизаторской среды. Он выступал в качестве идеолога захватнических стремлений русского империализма на Дальнем Востоке, мечтал о могущественном русском территориальном владении “от моря до моря”, боролся с “желтой опасностью”. В своих этнографических работах Арсеньев оставался типичным буржуазным исследователем-идеалистом (идеализм, как известно, прекрасно уживается с самым грубым материализмом), сторонником застывших форм общественного уклада, причем, под этой защитой незыблемости примитивизма скрывалось плохо замаскированное убеждение в превосходстве белого человека над милыми, но обреченными на вымирание или на ассимиляцию “детьми природы”. Отсюда и нежелание и неспособность вскрыть в общественных отношениях туземцев Дальневосточного края те разлагающие начала, которые внесены в общественный и хозяйственный быт туземцев “белым человеком” — колонизатором, эксплуататором, ростовщиком, сифилитиком или просто убийцей. Вскрывать до конца влияние на туземцев Дальневосточного края русской великодержавной “цивилизации” означало бы для Арсеньева необходимость войти в конфликт с охранителями этой цивилизации и особенно ее отрицательных хищнических сторон. Этого Арсеньев сделать не мог, так как сам находился в рядах охранителей русского капитализма Дальнем Востоке» («На рубеже», 1933, №1).

Затем 31 марта 1934 года арестовали и отправили в Хабаровск вдову писателя — М.Н. Арсеньеву. Ее обвинили в том, что она еще в 1923 году помогала мужу руководить контрреволюционной шпионской повстанческой вредительской организацией. Сидя в тюрьме, она на газетном клочке набросала для брата мужа, Анатолия Арсеньева, короткую записку. «Дорогой А.Н., — писала Маргарита Николаевна, — меня обвиняют в работе шпионской (в пользу Японии и Германии) контрреволюционной организации, которую возглавил Володя... Хотят, чтобы я признала вину за себя и за В. Им важно онлеветать Володю, будь он жив, я бы не сидела, т. н. В. мог бы сам “сознаться”... Спасите Наташу, спрячьте ее... ДВ ГПУ помешалось на шпионаже... Сохраните мое обручальное кольцо, берегите могилу Володи и его дневники». Правда, потом Военный трибунал это обвинение с Арсеньевой снял. Однако на свободе Арсеньева оставалась недолго. 2 июля 1937 года ее арестовали во второй раз и через год расстреляли.

Дочь Арсеньева, Наташа, после расстрела матери осталась во Владивостоке одна-одинешенька. Она не смогла выдержать всех свалившихся на нее испытаний. Уже в 1939 году ей дали первый срок: три года «за содержание притона в квартире». Но, правда, вскоре после суда Наталью все-таки отпустили. Однако бунвально через два года, в апреле 1941-го, последовал повторный арест. Теперь ее обвинили в антисоветчине и в распространении шовинистических анекдотов. Она получила десять лет исправительно-трудовых лагерей. Освободили ее лишь в 1951 году. Но потом вновь осудили, теперь уже по «бытовой» статье. Умерла она в 1970 году в Благовещенске.

Непросто сложилась судьба и первой семьи Арсеньева. Старший сын ученого, Владимир, в 1919 году по мобилизации попал в армию Нолчана, но позже оказался в народно-революционной армии. Кроме того, он какое-то время пробыл в японском плену. Преследовать Арсеньева-младшего начали еще при жизни отца. Так, в 1923 году он был отчислен из политехнического института. Ему поставили в вину службу отца в царской армии. Но главные гонения были впереди: в 1939 году всю их семью, жившую тогда в Шнотово, приказали в десятидневный срок выселить за пределы Дальневосточного края. Арсеньевы вынуждены были перебраться сначала в Челябинскую область, а потом на Алтай. В Приморье они вернулись лишь в 1957 году. Анна Константиновна прожила потом еще шесть лет. А ее сын скончался в 1987 году.

Уже в 2007 году президент Дальневосточного технического университета Геннадий Турмов случайно обнаружил в одном из московских букинистических магазинов конверт с пожелтевшим листом бумаги, на котором оказался текст завещания Арсеньева. Великий путешественник чуть ли не умолял: «Убедительно и горячо прошу похоронить меня не на кладбище, в лесу и сделать следующую надмогильную надпись: “Я шел по стопам исследователей в Приамурском крае. Они ведь давно уже находятся по ту сторону смерти. Пришел и мой черед. Путник! Остановись, присядь здесь и отдохни. Не бойся меня. Я так же уставал, как и ты. Теперь для меня наступил вечный абсолютный покой”».

